

На конференции «Полярные чтения – 2023» прозвучало много интересных докладов и сообщений. Предлагаем вашему вниманию две статьи, подготовленные участниками Чтений. Ф.А. Романенко проанализировал, как менялся кадровый состав зимовщиков на советских полярных станциях в 1920–1950-х годах, проследил, как полярники взаимодействовали друг с другом, с вышестоящими и соседними (аэропорты, порты, горные предприятия, экспедиции и др.) организациями, с местными жителями, с экипажами судов и самолетов. Показано, что и кадровый состав, и эти взаимоотношения менялись в зависимости от социально-политической ситуации в стране. На всех этапах своего существования полярные станции не только играли важнейшую роль для науки и судоходства, но и выполняли важную организующую функцию для Арктики, составляя основу инфраструктурного каркаса малозаселенных территорий. Поэтому сохранение станций и изучение их богатейшего наследия – актуальная задача сегодняшнего дня.

В другой статье Е.В. Бей и В.Н. Прямыцын рассмотрели исторические события, связанные с секретными операциями Военно-морского флота СССР – экспедициями особого назначения. Они проследили трансформацию флотской деятельности от подвигов и героических дел первопроходцев 1930-х годов к повседневной практике использования Северного морского пути для обеспечения военной безопасности государства в настоящее время.

ЖИЗНЬ СОВЕТСКИХ ПОЛЯРНЫХ СТАНЦИЙ В 1920–1950-е ГОДЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЗИМОВЩИКОВ

Сеть отечественных полярных станций формировалась более века — с 1881 года, наибольшее число станций (до 120) работало в 1950–70-е годы. За этот продолжительный срок вместе с кардинальными переменами социально-экономических условий их функционирования значительно менялись и кадровый состав зимовщиков, и многие аспекты внешних и внутренних взаимоотношений полярников. Им приходилось взаимодействовать прежде всего друг с другом, а также:

- с соседними станциями;
- с вышестоящими организациями Главной геофизической обсерваторией (ГГО), Управлением по обеспечению безопасности кораблевождения (УБЕКО), Гидрографическим управлением, Акционерным Камчатским обществом (АКО), Всесоюзным арктическим институтом (ВАИ), с 1933 – с Управлением полярных станций (полярным управлением) и другими управлениями (Политуправлением, Управлением капитального строительства) Главсевморпути;
- с местными жителями (как с представителями коренных народов (ненцами, нганасанами, долганами, якутами, чукчами, эскимосами и др.), так и охотниками-промысловиками многих национальностей);
- с соседними организациями (портами, аэропортами, горными предприятиями, рыбозаводами, факториями, объектами ГУЛАГа и др.);
- с персоналом работающих в районе станции геологических, географических, биологических, топографических, землеустроительных, изыскательских и иных экспедиций;
- с экипажами транзитных и снабженческих судов и самолетов;
- со всей страной (в основном через радиотрансляции, новости и периодически присылаемые газеты и брошюры).

Столь длинный список не исчерпывает всего многообразия отношений станций с окружающим миром. Но далеко не каждая

станция имела все их типы. Чем южнее и/или населеннее был район станции (например, Сопочная Карга, Хатанга, Усть-Тарей, Певек), тем большее время уходило на внешние взаимоотношения. Наоборот, самые дальние и северные станции, в первую очередь островные (например, о-ва Ушакова или Генриетты), вполне могли сетовать на недостаток внешних отношений и избыток внутренних.

Эволюцию кадрового состава станций можно охарактеризовать, основываясь, кроме литературных источников, на архивных (несколько сотен научно-технических отчетов полярных станций, хранящихся в Российском государственном архиве экономики, РГАЭ) документах, а также на материалах многолетних (с 1983 года) полевых работ.

Можно выделить несколько этапов формирования состава зимовщиков.

1881 — середина 1920-х годов. Малочисленные хорошо подготовленные специалисты под началом морских офицеров, чиновников или ученых в более или менее однородных или социально дифференцированных (офицеры и ученые, с одной стороны, и нижние чины, с другой) коллективах почти без случайных людей. Нача-

Почтовая карточка с изображением станции Маточкин Шар. 1912 год.
www.polarpost.ru

ло было положено основанием трех российских станций I Международного полярного года — Сагастырь в дельте Лены, Малые Кармакулы на Южном острове Новой Земли и Соданкюля в Финляндии (работа этой станции финансировалась специальными средствами, выделенными Сеймом Финляндии Финскому ученому обществу). Начальниками станций были выбраны флотские офицеры штабс-капитан корпуса флотских штурманов Н.Д. Юргенс, лейтенант К.П. Андреев и физик профессор С. Лемстрём соответственно. Среди наблюдателей были в основном добровольцы — доктор А.А. Бунге и физик Дерптской обсерватории А.Г. Эйгнер (Сагастырь), заведующий Кронштадтской астрономической обсерваторией В.Е. Фусс, врач Л.Ф. Гриневецкий, студент Санкт-Петербургского университета Н.В. Кривошея и мичман Д.А. Володковский (Малые Кармакулы), известный геодезист, будущий исследователь Хибинских гор, где в его честь названы два перевала, вершина и ручей, А. Петре-лиус (Соданкюля). Персонал всех трех станций прошел тщательную подготовку в Главной физической обсерватории в Петербурге и магнитно-метеорологической обсерватории в Павловске. В Сагастыре и Малых Кармакулах наблюдателями были приданы отряды матросов и солдат из 5–7 человек. Неудивительно, что наблюдения станций Первого МПГ отличались высоким качеством и после проверки публиковались. Зимовки были непростые (достаточно вспомнить нелепую гибель матроса Ф. Тискова в М. Кармакулах), но хорошая подготовка и выдающийся личный состав способствовали успеху.

В 1896 году академик Б.Б. Голицын возобновил работу станции в Малых Кармакулах, которую сейчас можно считать старейшей в Российской Арктике, несмотря на перерывы в наблюдениях. В досоветское время наблюдения вел причт православной церкви (псаломщики Д.Е. Маезоров и Д.Д. Дмитриев, иеромонах Феогност). Заменившая их в 1921 году И.Л. Русинова стала одной из первых женщин — кадровых полярниц и успешно работала на Новой Земле несколько лет.

Похожие принципы подбора кадров применялись при найме сотрудников на три первые полярные станции нового типа — Марре-Сале, Вайгач и Югорский Шар, строительство которых началось в 1912 году, в строй они вступили в 1914 году. Возглавляли станции первые годы почтово-телеграфные чиновники Н.П. Батрак, В.С. Дубицкий, С.Г. Протасов (Марре-Сале), А.А. Доступов, Г.К. Иванькин, Н.З. Гуляев, А.П. Яншницын (Вайгач), И.Н. Шмелев, Николенко, В.Г. Кальченко, фельдшер В.М. Павлов (Югорский Шар), а среди вспомогательного персонала были будущие кадровые полярники. Так, уже в 1913 году начал зимовать на Марре-Сале, охраняя стройматериалы, будущий орденосец В.Д. Пурнемцов (иногда его именуют Пурманцевым) (1887–1940), участник знаменитой «папанинской вахты» (1936–1938) на о. Рудольфа. Орденом «Знак Почета» его, помощника повара, наградили именно за героическую работу на этой зимовке. Его похоронили на кладбище мыса Челюскин, где до недавнего времени лишь четыре могилы из девяти можно было атрибутировать, а сейчас, по устному сообщению писателя-полярника И.Д. Смилевца, оно полностью уничтожено морем. История бесследно уходит на наших глазах...

Примерно до середины 1920-х годов на немногочисленных станциях часто зимовали довольно опытные люди старого закала, подготовленные и/или ответственные. Постепенно росло число работников молодых, начавших работать уже при советской власти. На

первой зимовке в Маточкином Шаре (1923/24) — начальник Н.А. Кньюфер, метеоролог И.Л. Русинова, магнитолог А.Н. Захарьевский, ботаник А.И. Толмачев, геолог А.К. Шенкман. На второй (1924/25) — начальник Д.Ф. Вербов, ранее — успешный коммивояжер, молодые ребята К. Кашин, Э. Кренкель (1903–1971), ставший через десятилетие одним из символов Советской Арктики, В.В. Ахматов, будущий видный астроном-гидрограф, И.Е. Бялокоз, Д.А. Козловский, более опытный радист К.А. Сысолятин, биолог Вакуленко, геолог Егер, пленные немецкие матросы Пауль и Отто, служитель (так тогда называли разнорабочих, совмещавших обязанности кухонного работника, истопника, уборщика, иногда каюра) К.И. Зенков, участник Кронштадтского мятежа доктор Федосеев, оказавшийся наркоманом и умерший на зимовке. В последующие годы там работали многие кадровые полярники: П.Я. Илляшевич (1925/26), М.Е. Острекин (1936/27), Г.А. Шашковский и будущий участник дрейфа СП-2 Н.А. Милев (1927/28) и др.

Еще более юным, чем Э.Т. Кренкель, которому шел 22-й год, когда он начал набоботать на полярной станции, в 1925 году зачислился на Марре-Сале радистом К.М. Званцев (1906–1967), один из будущих консультантов культового фильма «Семеро смелых» (1936). Он не побоялся отправиться на станцию, где на предыдущей зимовке умерли от цинги четыре сотрудника из пяти, и благополучно отработал год вместе более опытным наблюдателем П.Ф. Глазовым.

Середина 1920-х — середина 1930-х. Станции принадлежали разным ведомствам, каждое из которых обладало своими представлениями о подборе людей. Если станции, принадлежавшие гидрографам (УБЕКО или Гидрографическому управлению), комплектовались из более или менее подготовленных людей (среди них почти до конца 1930-х годов были люди с дореволюционным фундаментальным образованием) и хорошо снабжались, то персонал станций Гидрокомитета, ВАИ, АКО или Наркомата связи был во многом случаен и снабжался часто спустя рукава, главной причиной этого было отсутствие своих судов. Слабо подготовленный персонал (в лучшем случае курсы при ГГО или ВАИ или практика на флоте) ехал либо на заработки, либо из любви к приключениям (немногие), либо укрывался от какой-либо неустраиваемости на материке. Следствием была очень сильная дифференциация по квалификации и социальному составу — высококвалифицированные специалисты (их тоже было немало) терялись. Например, «каюром прислали учителя западных танцев».

Отдельный вопрос — так называемые «иждивенцы», т. е. члены семьи подписавшего договор сотрудника. Они могли ехать на станцию, но не обязаны были там работать. Большинство, понимая двусмысленность своего положения, постепенно начинали помогать специалистам и их зачисляли на ставку, т. е. они превращались в полноценных работников, или делили на двоих, например, ставку повара, которого не прислали или вывезли. Повысив свою квалификацию либо в процессе работы и сдав экзамен, либо на курсах после зимовки, они становились специалистами. Про первых писали в характеристиках «подготовлен(а) на станции». Если же иждивенцы работать не хотели, то у них возникало много свободного времени, а праздность никогда к хорошему не приводит — начинались конфликты, разборки, бытовые скандалы.

Поразительные «иждивенки» были в бухте Тихой в 1934–1936 годах. Е.К. Симцова, жена начальника стан-

Группа зимовщиков станции Бухта Тихая (смена 1935–1936 годов под руководством И.Ф. Битриха). 1936 год. Архив Б. Шоннерляйн

ции И.Ф. Битриха, в 1935 году стала помощницей актинометристки Г.В. Бюргановской, одной из самых квалифицированных специалисток. Весной 1935 года Симцова родила дочь Северину, в мае 1936 года — сына Родварка. В июле 1936 года жена освобожденного парторга В.Г. Абрамовича Н.В. Кухтина родила дочь Зефриду. На зимовке она поменяла занятие от завхоза до библиотекаря и помощницы метеоролога. Два года зимовок Тихой прошли успешно, несмотря на многочисленные конфликты, в том числе начальника с парторгом, — коллектив работал слаженно, программы наблюдений выполнялись хорошо, родилось трое детей

Вот типичное пожелание начала 1930-х годов квалифицированного наблюдателя-метеоролога после зимовки с «иждивенкой», которую ему дали в помощницы (кстати, очень достойной женщиной, не замеченной ни в каких конфликтах а, наоборот, способствовавшей поддержке рабочей и дружеской атмосферы на зимовке): «Г* на наблюдательскую работу согласилась по требованию мужа... достаточной подготовки к работе не имела... Слабая подготовка Г* безусловно отразилась на качестве ее работы как наблюдателя. Считаю необходимым обратить внимание лиц, комплектующих штат наблюдателей п/ст, на недопустимость посылки на станции лиц без достаточной подготовки, несмотря даже и на то, что это будет касаться жен начальников станций.

Пора начать смотреть на метеорологию **не как на лазейку**, куда можно всунуть желательных для отдельных лиц людей, а как **на одну из серьезных отраслей геофизики...**» (РГАЭ. Ф. 9570. Оп. 2. Д. 3214. Л. 172. Выделено нами).

Только после организации (1933) единого учреждения, руководившего полярными станциями, — Полярного управления (ПУ) ГУСМП ситуация стала медленно улучшаться. ПУ занялось подбором кадров, контролем их работы (вместе с ВАИ), организовало курсы подготовки и переподготовки специалистов. Но людей не хватало, несмотря на большой приток энтузиастов, и работников приходилось брать «с улицы».

Середина 1930-х — 1941. Увеличение однородности коллективов зимовщиков за счет притока опытных специалистов или энтузиастов — выпускников специализированных курсов. В целом квалификация специалистов

выросла, наладились обработка и контроль, пришло большое число энтузиастов, с одной стороны. С другой стороны — неимоверно выросли политическое давление и контроль, что повышало напряженность и так напряженной, особенно в навигационный период, работы. К тому же на станциях появлялись люди, которые хотели укрыться от кипящего котла репрессий на материке. Но скрыть какие-либо недостатки анкет было сложно, и начальники станций иногда довольно жестко и целенаправленно их выявляли, сообщая «куда следует».

Отдельно следует коснуться отношения к работникам со стороны Управления полярной авиации (УПА) и флота Главсевморпути. От зимовщиков иногда по несколько суток требовали подавать погоду каждый час, даже в условиях многодневной пурги. Метеоролог и радист сутками не раздевались, не снимали обуви, засыпая урывками за столами. Иногда судовую и авиавахту просто забывали отменять. И очень немногие моряки и летчики искренне благодарили полярников.

Расширяют программу наблюдений, засылают новых людей, — и сотрудники зимуют вдесятером в одном доме, рассчитанном на четверых. Героически ставят анкеры для ветряка, греют и бьют ломом мерзлоту, ставят ветряк — и никакой благодарности из управления...

Практически все отчеты данного периода содержат многочисленные проклятия в адрес Арктикснаба — «головотяп или просто вредительская организация». Причуды снабжения предвоенного периода были удивительны — то пришлют мыла на 10 лет сразу, то «географических карт 25 одной Африки», то детские полуботки, то расплзающиеся по швам сапоги, то корову, которая не может дойти от берега до сарая и падает, то старого козла на мясо... Приходят термометры со штампом, что их нельзя применять на станциях СССР, актинометрические приборы без единой поверки.

1941–1946 — тяжелые условия военного времени. Нехватка кадров, с одной стороны, и попытка людей устроиться на более сытые (как им казалось) места, с пайком, жильем и спецодеждой — с другой. Резкое падение снабжения всеми видами товаров и расходных материалов. Снова появились рукописные отчеты на оборотках и папиросной бумаге, самостоятельно расчерченные ленты самописцев и книжки наблюдений. В целом — выживание сети, некоторые зимовщики провели на станциях по три-пять лет.

Но документов военного времени в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) почти нет, поэтому материалы данного периода страдают неполнотой.

1946 — начало 1950-х — пожалуй, самое сложное и тяжелое время на полярных станциях. Многолетнее недоснабжение и недоремонт привели к катастрофическому падению уровня жилищно-бытовых и производственных условий на фоне тяжелых навигаций (период похолодания Арктики) и отсутствия регулярного снабжения. Многие довоенные полярники постарели и ушли из Арктики, погибли на фронтах или умерли, пришли молодые без опыта, готовившиеся в военное время, и люди, поехавшие в Арктику укрыться от голода, нищеты и бездомности. Бытовые и производственные условия на большей части станций чудовищные — теснота, холод, вонь, насекомые, люди живут в производственных по-

мещениях буквально друг у друга на голове. Топлива и продовольствия часто не хватает. Естественно, возникают конфликты. Но сочувствия у руководства нет: главное — работа. Вот несколько примеров.

Визе, 1948–1950. 10 человек жили в доме на четверых, метеоролог М* жил в кухне.

Челюскин, 1948–1950: «Большим бедствием, источником всяких недоразумений трудового и бытового порядка является практика комплектовать штат... большим количеством женщин-одиночек и семейных, а также присылка жен к мужьям без учета их способностей к труду... Наш отдел кадров превратился в посредническую контору по доставке жен к мужьям и мужей к женам... Как правило, 99 % женщин не пригодны к физическому труду...» (РГАЭ. Ф. 9570. Оп. 2. Д. 3216. Л. 23–24).

Уединения, 1949. Суда не смогли из-за тяжелых льдов разгрузиться. Вместо необходимого печника хотели прислать двух женщин и двухмесячного ребенка, и это при том, что весь личный состав жил в двух комнатах. Станция осталась без угля, продуктов и обмундирования, в ноябре самое необходимое завезли двумя самолетами.

1951. Начальник станции Ц* выехал из-за того, что лишился почти всех зубов, а также по другим болезням. Но на отчете ему говорит М.И. Ходов, зам. начальника УПС: «Ваше назначение — ошибка, так как Вы политмалограмотны. Нельзя было бросать станцию перед навигацией, и использовать Вас начальником мы больше не сможем» (РГАЭ. Ф. 9570. Оп. 2. Ед. хр. 3329. Л. 66). Но преемник Ц* на посту начальника станции пишет иное: «Ц* тут много претерпел, положил много физических сил и подорвал свое здоровье» (Там же. Л. 115).

Отношение к персоналу станций — презрительное. Если рядом живут сотрудники аэропорта, порта или геологи — люди видят разницу. И не только в зарплатах, которые у персонала станций весьма низки и ниже, чем у коллег, даже если станция принадлежит УПА. Ни питания, ни стирки, полярникам отказывают часто и в жилье, и в производственных помещениях, и в транспорте, и в топливе. При этом, подчеркну, постоянно пользуются метеорологической/гидрологической информацией...

Середина 1950-х — 1963. Наконец можно писать о постоянном улучшении качества работы и условий жизни на станциях, увеличении доли молодых квалифицированных специалистов-энтузиастов, подготовленных в Ленинградском арктическом училище (ЛАУ), на Курсах полярных работников, в Ленинградском военно-морском училище (ЛВИМУ), в гидрометеорологических техникумах. На зимовки едут выпускники МГУ, ЛГУ, других университетов и институтов. Закреплению кадров помогают меры социальной и экономической поддержки полярников — появление жилищных и дачных кооперативов, да и просто соблюдение КЗоТа. Очень способствовало улучшению работы сети широкое участие СССР в проведении Международного геофизического года. Наладилось производство современных приборов, появились новые виды наблюдений. Резко улучшилось (примерно с 1950 года) снабжение, началось строительство станций

Полярная станция Бухта Тихая. 1956 год. Фото из архива ААНИИ

по улучшенным проектам, учитывавшим накопленный опыт. Можно сказать, начался «золотой век» сети советских полярных станций, продолжавшийся до 1980-х годов. «Штурм Арктики» и «мы победили в бою под Ванкаремом» сменились спокойной налаженной эффективной работой. Благодаря ей:

- безаварийно проведены тысячи судов по Северному морскому пути;
- собран гигантский массив данных о метеорологическом, гидрологическом и ледовом режимах прибрежной части морей Северного Ледовитого океана;
- разработаны теоретические основы концепций взаимодействия полярного океана, атмосферы и прибрежной части суши, глобальных закономерностей формирования ледяного покрова и его влияния на окружающую среду;
- накоплен уникальный опыт регулярных наблюдений (мониторинга) за состоянием природной среды полярных морей;
- на арктических островах и побережьях появились инфраструктурные центры, которые цементировали огромное пространство. Утрата в конце XX — начале XXI века примерно половины полярных станций привела не только к уменьшению точности калибровки климатических прогнозных моделей, но и к потере контроля над «фасадом России». Поэтому сохранение станций и изучение их богатейшего наследия — актуальная задача сегодняшнего дня.

Конечно, люди есть люди, они не могут существовать бесконфликтно, а Арктика есть Арктика — она остается столь же суровой. Большая часть достижений и проблем на зимовках определялась взаимоотношениями внутри коллективов. И рядом со многими станциями остаются могилы зимовщиков, часто уже совершенно разрушившиеся и безымянные. Высока цена исследования полярных широт.

Работа выполнена в рамках государственного задания Лаборатории геоэкологии Севера географического факультета МГУ «Эволюция, современное состояние и прогноз развития береговой зоны Российской Арктики» (тема № 121051100167-1).

Ф.А. Романенко (МГУ)